

Людмила РЮМИНА

Что общего у меня, с детства столичной горожанки, с ямщиком, умирающим в степи? Но вот прозвучала «Степь да степь кругом...», и душа заходится в тревожной истоме, и поет сердце глубинной, невысказанной тоской, и кажется, что самое сокровенное затрепетало. Да разве со мной только такое? Недавно

пела у нас на вечере, организованном «Советской Россией», Людмила Рюмина, и сколько было блестящих от слез глаз, сколько растревоженных душ... Под впечатлением этого концерта я и пришла к Людмиле Георгиевне, чтобы узнать от нее: что же это такое «русская песня»?

ЧТОБЫ ДУША ОТОГРЕЛАСЬ

— Русская песня?! Попытаюсь ответить. Вы знаете, сейчас очень сложно выступать в сольных концертах, потому что публика часто приходит настороженная: люди ничему не верят. Я их понимаю — ведь в жизни обман повсеместный. И вот выходишь на сцену и чувствуешь эту стену недоверия. Лица у людей усталые — жизнь-то тяжелая. А к концу программы — глаза горят, щеки пылают и улыбки светятся. А какое это счастье, когда все в одном порыве поют в зале! Они уже, а не я, мелодию ведут! Ах, какой народ у нас музыкальный и какой добрый, душевный! К русской песне идут люди, чтобы душа отогрелась, очистилась от скверны.

— Людмила Георгиевна, наш читатель, Шюдин Константин Николаевич, пишет: «Передайте Рюминой — великое дело творит она своим пением, ничто так не будит в душе чувство Родины, как русская песня!» Он просит рассказать, как вы стали певицей.

— Я пою с раннего детства и убеждена: чем раньше ребенок прикоснется душой к песне, тем лучше — песня делает людей духовно богаче. Сейчас детей сильно портят и телевидение, и радио — вся эта грязь: чернуха, порнуха, наркомания, проституция, что лезет с экрана, как ни прячься, оседает в душе. Как ржавчина. И очень важно очищающее влияние русской песни. Не подумайте, что я против современных ритмов. Мне всегда нравились и Том Джонс, и джазовые исполнители, и хороший рок, и мюзиклы. Я всегда была жадной до любого вида искусства...

— И все-таки как исполнитель вы пришли к русской песне! Знаете, меня поразило, когда в разговоре с вами я вдруг услышала, как вы произнесли: народная артистка России. Столько высокой гордости и достоинства было в этих словах!

— Эти три слова наполнены для меня огромным значением. Какая внутренняя драматургия в русской песне, какая многогранность и поэтичность чувств! Русская песня — это такое богатство, которое в полной мере еще и не осознано. Мы много говорим о традициях, но не говорим о главном: русский голос — это прежде всего красивый голос. И это — особая красота. Как-то задумалась о том, чем отличается христианская православная церковь от христианской католической? В частности, и тем что в православную церковь не введен музыкальный инструмент. Потому что уже сам голос человека — инструмент, созданный Богом! В церкви плоский, бестембровый голос не звучит. Послушайте, как там, под куполом, все звучит. Священник поет тембристым круглым звуком!

На сцене сейчас у нас поют плоскими голосами. Этого никогда не было в России! Потому и были людям стало неинтересным. У плоского звука нет стереофонического звучания, того красивого тембра, который действует, как говорят, на энергетику человека, потому что такой звук своими колебаниями проходит через всего человека. Обедняя русское пение плоским звуком, со-

временные исполнители просто раздражают слушателей. Сравните соловья и ворону — вот упрощенная иллюстрация тембристого и плоского звуков!..

— Но, наверное, и вы не сразу пришли к той высоте мастерства, которой владеете?

— Конечно. Я много и долго училась. Пришла в училище Ипполитова-Иванова из ансамбля «Воронежские девочки», окончила ГИТИС. И все же классика была для меня долго недоступна. Вот только, пожалуй, сейчас, когда я стала заниматься с Н. Н. Носковой, я поняла великую силу классики, высшей гармонии. Для того чтобы понять классическую музыку, надо себя к ней долго готовить, развивать свои тонкие энергии, свой творческий потенциал. Творческие победы над собой укрепляют чувство собственного достоинства.

— А сейчас вы видите для себя пути будущих открытий?

— Конечно. Я сейчас пою классические камерные произведения, оперные арии, старинные русские романсы. Это дает мне возможность открытия новых исполнительных средств в исполнении русских песен. И если раньше я могла передать смысл песни через слово, то теперь я передаю его самой мелодией, музыкальной фразой, передаю состояние души. И люди меня понимают еще лучше. Ведь это очень важно, когда ты можешь передать любой нюанс. Этим виртуозно владел Шаляпин.

Ведь он не позволял себе сказать ни одного слова, не пропеть ни одной гласной!..

— Для вас он высший критерий вокального искусства?

— Да. Это высший пилотаж мастерства. Сейчас я как раз и работаю над тем, чтобы ощутить, как это ему удавалось. Шаляпин — гений России. Он до конца дней своих нес в себе его мощь, величие духа России.

— Наверное, без постижения силы мастерства своих предшественников, невозможно выйти и к собственным открытиям?

— Конечно. Вспомните Плевацкую. Ей и Шаляпин, и Коровин говорили: учитесь. Для того, чтобы быть более выразительной. Но царь ей сказал: надо сохранить самобытность. И она не стала учиться. И сделала много ошибок, которые трагически отразились на ее судьбе. А ведь учиться — это значит придать самобытности более высокое качество. Разве от мастерства Шаляпина пострадала его самобытность?

— Но самобытным людям особенно тяжело жить вне России.

— Думаю, что да. Я объездила весь мир. Впервые выехала на гастроли за границу, когда мне было всего 19 лет. Детство было тяжелым, папа — заводской рабочий, мама работала в аптеке. Мы жили в бараке, в одной комнатке. Но у меня не было зависти ни к богатым заграничным магазинам, ни к сытой жизни. Я выходила с ансамблем «Воронежские

девчата» и пела «Калинушку» и «Ой, туманы, мои растуманы», «Летят утки»... И люди вставали и стоя аплодировали русской песне. И было огромное чувство гордости — я русская. Я была не очень хорошо одета. Конечно, хотелось чего-то. Но продать свою душу?! В Америке мне предложили остаться. Меня это очень удивило. Зачем? Им понравилось мое отношение к жизни, к искусству, к их стране. Но я не представляла своей жизни без России...

— А сейчас? Когда так все мрачно и плохо, когда многие профессиональные исполнители продают свое искусство за рубежом?

— Да, трудно. Я получаю приличные деньги, но мне едва-едва хватает. Особенно страшно за родителей. Когда вижу старушек, торгующих сигаретами, мне становится жутко, что, если со мной что-то случится, моя мама может оказаться в таком положении...

— А что дает вам силы верить в свою землю?

— Думаю, что самобытность России. Как опростоволосились демократы! Сколько породили бездарных политиков, которые думают лишь о себе, о том, как бы самовыразиться. Какой ужас они сотворили — войны, в которых гибнут дети. Разве же это то, к чему должен стремиться человек? Издевательство над простыми людьми. Вот я приезжаю на гастроли в глубинку, а мне первый вопрос: когда депутаты-то ругаться перестанут? И все-таки жизнь идет своим чередом. Сядем, попойем, оно и легче. Доброта в народе не исчезла. Злобы — нет. А вот обида... Обида есть. За оскорбление — да разве мы, русские, не умеем работать? Стыдно за политиков. Платите по труду, господа хорошие... А вы все народ обегорить норовите.

— Людмила Георгиевна, а песня любимая есть?

— Да. «Липа вековая». Это песня очень сложная. Для того чтобы ее спеть, много отношения надо. И тогда твое отношение к России, к русскому народу, его философскому осмыслению жизни и душе человеческого услышат люди. Русский человек не похож ни на одного другого в мире. И это отражено в этой песне — его мудрость, духовная насыщенность. В этой песне широчайший диапазон, сложнейшая драматургия. Впервые ее исполняла Плевацкая и имела грандиозный успех. Была «Липа вековая» и в репертуаре Руслановой. Это самые близкие мне певицы, у обеих трагические судьбы и очень много общего репертуара: «По диким степям Забайкалья», «Шумел-горел пожар московский»...

— Я слышала «Норму» в вашем исполнении. Может стать, и мы узнаем однажды, что вы стали оперной певицей?

— Я знаю наверное, что никогда не уйду от русской песни. Народная песня всегда останется со мной. Независимо от того, как буду я развиваться дальше в своем творчестве. Я русский человек, и мое назначение в этой жизни — нести в мир русское искусство, искусство, которое создал мой народ и которое дало мне огромное творческое счастье.

Беседу вела
Г. ОРЕХАНОВА.

Соб. Рюмина - 1992 - 23.07.92